



Кобзев А.В.
Институты мусульманской общины Симбирского – Ульяновского
Поволжья в 1920–1930 гг.

DOI 10.31162/2618-9569-2019-12-4-959-984

УДК 297.17: [94+322] (470.42) «18/19»

Original Paper

Оригинальная статья

Институты мусульманской общины Симбирского – Ульяновского Поволжья в 1920–1930-е гг.

А.В. Кобзев

*Автономная некоммерческая организация «Центр стратегических исследований
Ульяновской области», г. Ульяновск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8380-5482, e-mail: alkobzev@yandex.ru*

Резюме: В статье рассматривается деинституционализация мусульманской общины Симбирского – Ульяновского Поволжья в 1920–1930-е гг. Этот процесс развивался в результате антирелигиозной политики советского государства. В статье дается ретроспективная оценка темпов и масштабов деинституционализации. С учетом территориально-административных изменений прослеживается динамика количества мечетей, религиозных школ и представителей мусульманского духовенства с 1917 г. и до конца 1930х гг. Статья написана на основе делопроизводственных документов Государственного архива Ульяновской области и Государственного архива новейшей истории Ульяновской области. Автор приходит к выводу, что деинституционализация мусульманской общины в Симбирском – Ульяновском Поволжье была асинхронной. Уже к началу 1930-х гг. прекратили свою деятельность мусульманские школы. К началу 1940-х гг. было закрыто как минимум больше половины всех мечетей в регионе. Мусульманское духовенство было подвергнуто разным формам социально-правовой дискриминации, и в послевоенное время лишь единицы смогли возобновить профессиональную религиозную деятельность.

Ключевые слова: татары; ислам; Симбирская губерния; Ульяновская область; мечеть; религиозная община; религиозная школа; мулла

Для цитирования: Кобзев А.В. Институты мусульманской общины Симбирского – Ульяновского Поволжья в 1920–1930-е гг. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(4):959-984
DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-4-959-984



Контент доступен под лицензией Creative Commons
Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution
4.0 License.



Institutions of the Muslim Community of the Simbirsk – Ulyanovsk Volga Region During the 1920–1930s

A.V. Kobzev

*Autonomous non-profit organization “Center for Strategic Studies of the Ulyanovsk Region”,
Ulyanovsk, Russian Federation*

ORCID: 0000-0002-8380-5482, e-mail: alkobzev@yandex.ru

Abstract: The article discusses de-institutionalization of the Muslim community of the Simbirsk - Ulyanovsk Volga region in 1920-1930s. This process took place as a result of the anti-religious policies of the Soviet state. A retrospective assessment of the pace and extent of de-institutionalization is addressed in the article. Territorial and administrative changes, changes in the number of mosques, religious schools and representatives of the Muslim clergy from 1917 until the end of 1930s is analyzed. The article is written on the basis of office documents from the State Archive of the Ulyanovsk Region and the State Archive of Recent History of the Ulyanovsk Region. The author concludes that the de-institutionalization of the Muslim community in the Simbirsk – Ulyanovsk Volga region was asynchronous. Muslim schools ceased their activities in the beginning of 1930s. More than half of mosques in the region were closed by the early 1940s. Muslim clergy was subjected to various forms of socio-legal discrimination, and in the post-war period only a few were able to resume professional religious activities.

Keywords: Tatars; Islam; Simbirsk province; Ulyanovsk region; mosque; religious community; religious school; mullah

For citation: Kobzev A.V. Institutions of the Muslim community of the Simbirsk - Ulyanovsk Volga region in the 1920–1930 s. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(4):959-984 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-4-959-984

Введение

К началу Первой мировой войны мусульмане Симбирской губернии были второй по численности конфессиональной группой населения после православных христиан. Их доля в составе народонаселения по данным до-революционных статистических источников равнялась 9,5%, а общая численность составляла 171165 человек¹. К этому времени у татар-мусульман сложилась эффективно функционировавшая сеть религиозных институтов – мечетей, служителей культа и конфессиональных учебных заведений.

¹ См.: Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг. Симбирск: 1912–1914. Выпуски 1-8.



Кобзев А.В.

Институты мусульманской общины Симбирского – Ульяновского Поволжья в 1920–1930 гг.

По списку населенных мест Симбирской губернии на 1913 год, в регионе действовало 258 мечетей и, соответственно, мусульманских общин. Из их числа 184 мечети находились в Буинском (133), Курмышском (47) и Ардаатовском (4) уездах. В пределах Симбирского (42), Карсунского (12), Сенгилеевского (10) и Сызранского (10) уездов, впоследствии ставших территориальным ядром Ульяновской области, располагались еще 74 мечети¹. К 1911 г. в 190 мусульманских учебных заведениях (мектебе и медресе) обучались 10609 детей, из них 9431 мальчик и 1178 девочек. В среднем на каждую школу у симбирских татар-мусульман приходилось 56 учащихся [1, с. 16]. Религиозно-образовательные, духовные, социально-политические потребности населения обслуживали мусульманские служители культа, получившие профессиональную богословскую подготовку в медресе Среднего Поволжья. В материалах губернского правления начала XX в. содержится разнородная информация о мусульманских служителях культа Симбирской губернии. В 1907 г. их общая численность, с учетом указных мулл и муэдзинов, оценивалась в 379 человек. Из них собственно имамов было 283 человека². В 1911 г. по ведомостям мусульманских приходов и духовных лиц численность только указных мулл составила 328 человек³.

В ходе Великой российской революции 1917–1922 гг. в стране радикально изменилась общественно-политическая ситуация: рухнула Российская империя и на ее обломках возникла новая советская государственность. К власти пришла социалистическая партия большевиков, и в области государственно-конфессиональных отношений был взят курс на ликвидацию религии как социального института, традиции и формы общественного сознания. Одновременно был предпринят социальный эксперимент по построению атеистического общества и конструированию нового, советского типа человека. Объектом антирелигиозной политики государства оказались все конфессии. Непосредственным результатом такой политики стала деинституционализация религии, проявившаяся в закрытии и сокращении числа культовых зданий, ликвидации системы конфессионального образования, размывании профес-

¹ См.: Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск: 1913.

² Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 88. Оп. 4. Д. 209. Л. 130-143.

³ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 909. Л. 1об. – 43.



сиональных служителей культа, в разрыве преемственности религиозно-духовных традиций и трансформации повседневных религиозных практик.

Мусульманские храмы

Масштабы и темпы деинституционализации мусульманской общины в Симбирском – Ульяновском Поволжье в 1920–1930-е гг. имели свою региональную специфику. При этом необходимо учитывать, что дореволюционная Симбирская губерния не совпадает с современной Ульяновской областью. В межвоенный период отечественной истории в Советском Союзе проводились масштабные территориально-административные преобразования, и это не могло не сказаться на демографических параметрах татарского населения и количественных показателях религиозных институтов ислама в Симбирском – Ульяновском регионе. Так, территория Буинского уезда вошла в состав Чувашской и Татарской АССР. Из бывшего Симбирского уезда в ТАССР были переданы девять татарских селений, в которых накануне Первой мировой войны насчитывалось 29 мечетей¹. Собственно в границах современной Ульяновской области от уезда осталось пять татарских деревень с 12 мечетями². Всего же было 13 мечетей вместе с городской мечетью в Симбирске. Соответственно, ретроспективно к 1917 г. в современных границах правобережной части Ульяновской области насчитывалось 42 мечети: 13 мечетей в оставшейся части бывшего Симбирского уезда, 12 – в Карсунском, 8 – в Сенгилеевском и 9 – в Сызранском уездах³. Кроме того, в 1943 г. в состав Ульяновской области вошли населенные пункты бывших Кузнецкого и Хвалынского уездов Саратовской губернии, Ставропольского и Самарского уездов Самарской губернии. По данным списков населенных мест, в границах левобережной части современной Ульяновской области к началу Первой мировой войны в 26 татарских селениях Самарской губернии насчитывалось 55

¹ Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск: 1913. С. 3-4, 24. Это следующие татарские деревни – Большие Тарханы, Утямышево, Нижние Тарханы, Большая Цильна, Старое Шаймурзино, Малое Шаймурзино, Сюндюково, Беденьга, Возжи, Новоиркеево, Больше-Цильнинский поселок.

² Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск: 1913. С. 5, 7, 15, 19, 30. Это татарские деревни – Богдашино, Новые Тимесряны, Новые Маклауши, Елховое Озеро, Новая Беденьга.

³ Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск: 1913. С. 136, 142, 204, 213; ГАУО. Ф. 88. Оп. 5. Д. 314. Л. 6об. – 12об.



мечетей¹, а в правобережной части в 26 деревнях Саратовской губернии – 78 мечетей². Всего, по ретроспективным оценкам, на территории региона в границах Ульяновской области к 1917 г. могло быть 175 мечетей.

В советских делопроизводственных документах 1920–1930-х гг. встречаются разрозненные сведения о количестве действующих мечетей в регионе. По данным на 5 марта 1930 г. 75 мечетей было в Старокулаткинском районе³. Тот факт, что это были все еще действующие мечети, указан в отчете Старокулаткинского районного штаба за 1934 год по массовому выселению кулачества из Средне-Волжского края⁴. Кроме того, в источниках сообщается еще о 48 мечетях в 20 татарских деревнях⁵. По-видимому, на рубеже 1920–1930х гг. на территории Симбирского – Ульяновского Поволжья с учетом Старокулаткинского района действовало не менее 123 мечетей и, соответственно, мусульманских религиозных общин.

Скорее всего, вплоть до конца 1920-х гг. в регионе продолжилось строительство новых мечетей, хотя и не такими темпами и не в таких масштабах, как в дореволюционной России. Например, в 1918 г. была открыта вторая мечеть в г. Симбирске⁶, в 1921 г. построена новая мечеть в д. Старая Тюгаль-

¹ Список населенных мест Самарской губернии. Самара: 1910. С. 45, 60, 63-64, 67, 74-76, 80, 83, 88. Это селения Мулловка, Моисеевка, Старая Тюгальбуга, Новая Тюгальбуга, Ертуганово, Асаново, Абдуллово, Елховый Куст, Лабитово, Абдреево, Сабакаево, Татарский Калмаюр, Поповка, Уразгильдино, Аллагулово, Филиповка, Моисеевка, Старый Уренбаш, Новый Уренбаш, Старый Сантимир, Нижний Сантимир, Верхний Сантимир, Средний Сантимир, Верхний Сантимир, Мордово Озеро, Енганаево.

² Список населенных мест Саратовской губернии. Хвалынский уезд. / Оценочно-стат. отд. Саратов. губ. зем. управы. Саратов: 1914. С. 2, 8, 10, 12, 14, 20, 22, 24, 26, 30, 32; Список населенных мест Саратовской губернии. Кузнецкий уезд. / Оценочно-стат. отд. Саратов. губ. зем. управы. Саратов: 1914. С. 8, 18. Это селения Кирюшкино, Татарский Шемалак, Старая Зеленовка, Зимницы, Новая Кулатка, Усть-Кулатка, Ново-Зеленовка, Вязовый Гай, Евлейка, Старый Атлаш, Новый Атлаш, Мосеевка, Старая Кулатка, Старая Яндовка, Новая Яндовка, Бахтеевка, Зарыклей, Средняя Терешка, Верхняя Терешка, Мансуровка, Новая Терешка, Кармалей, Старый Мостяк, Новый Мостяк и две деревни Кузнецкого уезда – Муратовка и Большой Чирклей.

³ Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 37. Оп. 1. Д. 53. Л. 28. В источниках приводятся разные цифры – 74 мечети на 1930 г. (ГАНИ УО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 59. Л. 84; ф. 37. Оп. 1. Д. 59. Л. 56) и 61 мечеть на 1934 г. (ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102. Л. 53; ф. 37. Оп. 1. Д. 93. Л. 1 об.).

⁴ ГАНИ УО. Ф. 37, оп. 1. Д. 104. Л. 67.

⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 968. Л. 130 об.; Д. 704. Л. 8-8 об.; Д. 687. Л. 68; Д. 1368. Л. 20, 22-23; Д. 801. Л. 24 об., 40 об.; Д. 962. Л. 29-29 об.; Д. 963. Л. 22 об.; Д. 1162. Л. 249; ф. 3. Оп. 1. Д. 663. Л. 25, 40, 54 об.; Д. 659. Л. 30; Д. 778. Л. 51; Д. 277. Л. 2; Д. 582. Л. 140 об.; Д. 338. Л. 85; Д. 964. Л. 8; Д. 777. Л. 46 об., 89; Д. 778. Л. 83; ф. 3. Оп. 1. Д. 808. Л. 21.

⁶ ГАУО. Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 33. Л. 8-8об.



буга¹, в 1922 г. — мечеть второго прихода в д. Уразовка². К 1929 г. была возведена, шестая по счету, мечеть в д. Новые Тимерсяны³.

По документам неясно, сколько мечетей в 1920-х гг. действовало легально, и, соответственно, сколько было зарегистрированных мусульманских религиозных обществ. Дело в том, что по завершению гражданской войны в СССР был принят пакет нормативно-правовых документов, касающихся вопросов регистрации религиозных обществ. 3 августа 1922 г. – Декрет “О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли”. В том же году, 10 августа, была выпущена инструкция, обязывавшая религиозные общества во время прохождения процедуры регистрации в обязательном порядке предоставлять в НКВД устав общества, список членов-учредителей, членов исполнительного комитета, копию утверждения устава соответствующими органами власти [2, с. 35-40].

В 1920-х гг. в СССР была проведена массовая регистрация мусульманских приходов. В соседней Нижегородской губернии их перерегистрация началась в 1923–1924 гг. и завершилась к 1927 г., в регионе на тот момент было зафиксировано 113 мусульманских обществ. В Самарской губернии к 1928 г. были заключены договора со 105 мусульманскими общинами [3, с. 167; 4, с. 66]. В Ульяновской губернии перерегистрация также приходится на середину 1920х гг. В ходе регистрационной кампании в ряде татарских деревень возникли трудности с заключением договоров между религиозными обществами и местными органами власти. В частности, это произошло в деревнях Ахметлей и Большой Сайман Николаевского района⁴. Татары-мусульмане десяти мусульманских общин отказались заключать договоры о регистрации религиозных обществ.

Летом 1925 г. была создана комиссия для выяснения причин не заключения договоров. 13 июня в президиум Ульяновского губкома поступил доклад, в котором говорилось, что “татарское население сильно закабалено своей вековой темнотой и религиозным дурманом”⁵. В деревнях, особенно в

¹ ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 358. Л. 3.

² ГАУО. Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

³ ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 659. Л. 30.

⁴ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 968. Л. 123.

⁵ Там же. Л. 129.



д. Большой Сайман, верующие в своем большинстве описывались как “религиозные фанатики”¹. Кроме того, отмечалось, что в татарских деревнях не ведется партийно-политическая работа, а члены местной ячейки РКП (б) не пользуются уважением и авторитетом у населения². По мнению т. Короткова, участвовавшего в собрании жителей д. Ахметлеи, верующие не поняли суть декрета, который, по его словам, “не затрагивает чувство религиозности...”, а “заключение договора это не злой умысел, а ошибка населения, которую необходимо исправить”³.

Действительные причины нежелания верующих заключить договоры лежали несколько в иной плоскости. В том же докладе от 13 июня 1925 г. было сказано, что жители селений недовольны запретом на преподавание вероучения в школах⁴. На собраниях верующих, организованных властью 19–20 июня, вскрылись и другие обстоятельства. В частности, по словам т. Богданова, сказался негативный опыт реализации Декрета об отделении церкви от государства: в 1919 г. в д. Ахметлеи пришли пьяные коммунисты с наганами и требовали заключить договор на передачу мечетей государству⁵. Верующие из этой деревни высказывали опасения, что в случае заключения договоров “в дальнейшем мечети будут обложены налогами”⁶. Этому боялись и мусульмане из д. Большой Сайман. Они считали, что после договора и вовсе могут потерять мечеть — “стоит только заключить договор, как на эти мечети будет налог или хуже, — их возьмут и откроют там какие-либо советские учреждения”, например “театр или народный дом”⁷. Как отмечал помощник прокурора по Сызранскому уезду, в этих татарских деревнях сошлось несколько неблагоприятных социальных обстоятельств: “...все скверно переплелось в одно: и влияние богачей и мулл, и забитость бедняцкого населения, и бестактные, а порой явно преступные действия представителей

¹ Там же. Л. 131.

² Там же. Д. 945. Л. 125.

³ ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 968. Л. 126.

⁴ Там же. Л. 129.

⁵ Там же. Л. 126.

⁶ Там же. Л. 128.

⁷ Там же. Л. 130 об. – 131.



органов власти, и глубоко вгнездившиеся во все норы общественных слоев преступные элементы”¹.

На заседании комиссии по выяснению причин не заключения договоров было принято решение не созывать “мечетные советы”, а в каждой деревне провести общие собрания граждан. Первое собрание было проведено 19 июня в д. Ахметлеи. Местные жители постановили зарегистрировать религиозные общества и заключить договор. Видимо, не последнюю роль сыграло выступление имама Базеева, призвавшего заключить договор². Прямо противоположным результатом завершилось собрание верующих в д. Большой Сайман, решивших, что они жили без договора, и будут жить дальше³. В обеих деревнях мусульманские общины, юридически, предполагалось оформить в виде религиозных групп.

30 июня президиум Ульяновского губкома постановил оформить регистрацию и заключить договор с мусульманами из д. Ахметлей. Верующим из д. Большой Сайман был решено сделать повторное предложение, а в случае отказа временно закрыть мечети до момента оформления договора⁴. Ульяновский Губком 8 июля 1925 г. предписал Сызранскому укому РКП (б) до августа провести среди жителей “усиленную подготовительную работу по разъяснению декрета о церкви, доказать, что заключенный договор не принесет никакого вреда гражданам”, и добиться его заключения⁵. Кроме того, во втором полугодии 1925 г. в этих деревнях побывал помощник прокурора по Сызранскому уезду⁶. По его словам: “... трудно было на собраниях, напряженно оно проходило, но все-таки постановили договора заключить. И договора были подписаны и в Саймане, и в Ахметлее [в тексте подчеркнуто красным карандашом — А.К.]”⁷. В д. Большой Сайман договор был заключен позже, чем в д. Ахметлей, только в 1926 г.⁸.

По всей видимости, проблемы с регистрацией, связанные с опасениями верующих потерять свои мечети, были и в других селениях Ульяновской гу-

¹ Там же. Д. 906. Л. 109.

² ГАНИ УО. Д. 968. Л. 126, 130 об.

³ Там же. Л. 128, 131.

⁴ Там же. Л. 129, 132.

⁵ Там же. Л. 133; Д. 945. Л. 125 об.

⁶ Там же. Д. 906. Л. 109.

⁷ ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Л. 109.

⁸ Там же. Д. 1359. Л. 215 об.



бернии. Не случайно 30 июня 1925 г. Ульяновский губком предписывал “вторично оповестить население, что местные органы власти после заключения договоров не имеют права отбирать мечети и использовать их в своих нуждах”¹.

Однако действительность оказалась совершенно иной. Уже в первой половине 1920х гг. началось закрытие мечетей и в них стали организовывать учреждения культурно-просветительского характера. В отчете агитационно-пропагандистского отдела Губкома РКП (б) за июль 1923 г. говорилось, что подотделом национальных меньшинств “взята татарская мечеть на фабрике им. Гая”². В 1924 г. татарское бюро докладывало, что по решению общих собраний рабочих Самайкинской, Екатерининской и Мулловской фабрик были закрыты мусульманские молитвенные дома и переданы под школы фабзавуча и жилые квартиры³. В протоколе коллегии нацмен за тот же год было сказано, что в результате кампаний по антирелигиозной пропаганде много мечетей было “обращено в народные дома”⁴. А в начале января 1925 г. АПО Губкома РКП (б) разослал в райкомы партии и в краевой совет воинствующих безбожников запрос о подготовительной работе по закрытию церквей и мечетей⁵.

Закрытие мечетей было вопросом времени. В официальных документах 1920–1930х гг. церкви и мечети рассматривались исключительно как центры кулацкой оппозиции советской власти. На самом деле, в это время они оставались одним из немногих локальных публичных пространств, независимых от власти, где деревенские жители могли обсудить разные вопросы общественной жизни. Функция мечети как пространства формирования и выражения общественного мнения, унаследованная от дореволюционной эпохи, сохранилась в 1920–1930х гг. Например, в конспекте доклада “О некоторых недостатках районной партийной организации” за 1 апреля 1929 г. говорилось, что в ряде татарских деревень, в мечетях обсуждались выборы в сельские советы. Во время коллективизации участие кулаков в выборах в сельсоветы трактовалось советской властью как одно из проявлений обостре-

¹ Там же. Д. 968. Л. 132.

² Там же. Д. 680. Л. 50.

³ Там же. Д. 687. Л. 56 об.; Д. 803. Л. 93 об.; Д. 963. Л. 22об.

⁴ Там же. Д. 801. Л. 13.

⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 907. Л. 5.



ния классовой борьбы в деревне¹. Мечеть в д. Дракино Карсунского района рассматривалась властями как центр “контрреволюционной деятельности на селе, куда прячется вся кулацкая агитация” и где “под руководством муллы и кулаков велась антисоветская работа”².

Согласно итогам обследования политико-просветительской работы в Ульяновском округе, с 24 декабря 1929 по 5 февраля 1930 гг. были закрыты две мечети в татарских деревнях Кошкинского района и переданы под избы-читальни³. В 1930 г. закрыта мечеть в Тюгальбуге. Там представители советских и партийных органов власти организовали голосование за закрытие мечети. Голосование проводилось дважды — на собрании бедняков и на общем собрании жителей деревни⁴. По состоянию на 20 апреля 1930 г. каменную мечеть по ул. Лосевой в г. Ульяновске планировалось передать под клуб “мусульманской молодежи”⁵. Такое решение было принято на основе наказа избирателей от национальных меньшинств по 26 избирательному участку⁶. В 1932 г. были закрыты и отданы под “культурные очаги” (школы) четыре мечети в Средней Терешке, Кирюшкино, Вязовом Гае и Старой Яндовке; параллельно оформлялось закрытие еще восьми мечетей Старокулаткинского района⁷.

К 1947 г. по данным местных райкомов на территории Ульяновской области в 57 татарских деревнях, в областном центре и в г. Мелекесе было учтено 145 мечетей, из них — 13 действующих и 132 закрытых⁸. Эти цифры близки к ретроспективным оценкам количества мечетей в границах области по состоянию на 1917 год — 175 мечетей. Материалы райкомов 1945–1947 гг. нельзя считать абсолютно полными и точными. В них нет сведений по всем татарским селениям региона, не совпадает количество мечетей по отдельным деревням и районам на начало XX в. и на 1945–1947 гг. Не по всем учтенным

¹ ГАНИ УО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 22. Л. 18.

² Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 808. Л. 21.

³ Там же. Д. 910. Л. 20.

⁴ Там же. Д. 777. Л. 39 об.

⁵ Там же. Д. 787. Л. 42-44.

⁶ ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 421. Д. 421. Л. 28. В 1929 г. в г. Ульяновске было проведено 42 собрания избирателей с участием 8290 ч., проголосовавших за закрытие городских церквей и мечетей (ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 421. Л. 27-28).

⁷ Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 93. Л. 1 об.

⁸ ГАУО. Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 12. Л. 7-8, 10, 12-15, 17, 20, 24-26, 28-29, 32, 40-41, 52-53, 56, 72-75, 77-80.



мечетям в 1945–1947 гг. указан год закрытия — только по 82 из 145¹. Есть расхождения и по дате закрытия мечетей, например, по Старокулаткинскому району. Так, согласно данным 1945–1947 гг., 50 мечетей были закрыты в 1935 г., однако это не соответствует сведениям источников по отдельным деревням. В д. Старая Кулатка 11 мечетей закрыты в 1937 г., в д. Старое Зеленое — шесть мечетей в 1930–1932 гг., по одной мечети — в Средней Терешке, Кирюшкино, Вязовом Гае и Старой Яндовке в 1932 г. (см. таблица 1). Поэтому возможно, что в районе в 1935 г. было закрыто не 50 мечетей, а 35. Однако и эта скорректированная цифра выглядит внушительно. Тем не менее, при всех имеющихся расхождениях, на основе совокупности выявленных исторических документов можно составить ограниченное представление о масштабах и сроках закрытия мечетей в Симбирском – Ульяновском Поволжье.

Таблица 1 / Table 1
Количество и время закрытия мечетей в Симбирском – Ульяновском
Поволжье в 1920–1930-е гг.²
The number and time of closing mosques in the Simbirsk - Ulyanovsk region in
the 1920–1930 s

	Кол-во уч- тенных ме- Год закрытия мечетей четей														
	1910/1914	1920/1930	1945/1947	1929	1929/1930	1930	1930/1932	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938/1939	1939
Старое Зеленое	5		4				6								
Ст.Кл.район (19 н.п.)	75	75	50								50				
Средняя Терешка	4		1				1								

¹ Там же. Л. 10, 14-15, 17, 20, 24, 26, 28, 32, 40, 56-56об., 73-75.

² Составлено автором по: ГАУО. Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 12; Д. 8. Л. 6; Д. 14. Л. 2; Д. 33. Л. 8-8об., 20, 47, 71; Д. 23. Л. 13; Д. 4. Л. 6; Д. 26. Л. 28; Оп. 1. Д. 166. Л. 108, 110; Д. 177. Л. 3; Оп. 4. Д. 19. Л. 4; ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 680. Л. 50; Д. 803. Л. 93об.; Д. 963. Л. 22об; Д. 687. Л. 56об.; Ф. 3. Оп. 1. Д. 910. Л. 20; Д. 777. Л. 39об.; Ф. 37. Оп. 1. Д. 93. Л. 1об.



Кирюшкино	4		3					1									
Вязовый Гай	3		3					1									
Старая Яндовка	2		2					1									
Старая Кулатка	10	11	6												11		
Новые Зимницы	6		5							1							
Дракино	3		3	3													
Старое Тимошкино	6		7		5	2											
Кошкинский район, Ул. округ		2				2											
Тюгальбуга (Старая и Новая)	3 и 2					1											
Абдреево	1					1											
Большой Чирклей	2					3											
Новые Тимерсяны	4	6						5	1								
Елховое Озеро	4		1					1									
Богдашкино	1								1								
Татарский Калмаюр	5		2							1							
Старый Уренбаш	2		1							1							
Ертуганово	3		3											3			
Мордово Озеро	2													4			
Уренбаш	1		1											1			
Енганаево	3	4	3											3			
Аллагулово	3		4											1			
Евлейка	0		1												1		
Ульяновск	2															1	
Новые Маклауши	2																2
Муратовка	1		1														1
Татарский Шмалак	2		1														1
Татарское Урайкино	3														1		1



Кобзев А.В.

Институты мусульманской общины Симбирского – Ульяновского Поволжья в 1920–1930 гг.

Массовое закрытие мечетей в регионе пришлось на десятилетний период 1929–1939 гг. С учетом скорректированных данных по Старокулаткинскому району, до 1935 г. в Симбирском – Ульяновском Поволжье были закрыты примерно 35 мечетей из 104, а с 1935 по 1939 г. – еще 69 мечетей. То есть в это четырехлетие процесс стал более интенсивным и масштабным. Как минимум больше половины (60%) всех мечетей (104 из 175) были закрыты к концу 1930-х гг.

Нельзя сказать, что верующие мусульмане являлись пассивными участниками процесса деинституционализации религиозной общины. Исторические документы говорят об обратном. Верующие как могли пытались отстаивать свои мечети, правда, их возможности и ресурсы были крайне ограничены и несопоставимо малы по сравнению с государством. Одна из легальных возможностей появилась в 1936 г., когда в СССР была принята новая – “сталинская” конституция. Она гарантировала советским гражданам свободу совести и вероисповедания. Религиозные общины, верующие советской страны с воодушевлением восприняли эти конституционные гарантии как легальные возможности возвращения культовых зданий, ранее переданных государству под культурно-просветительские и социальные учреждения. В органы государственной власти, начиная с низового уровня сельских советов и вплоть до высшего звена власти – ВЦИК СССР стали поступать ходатайства верующих о возвращении культовых зданий. Однако провозглашенные гражданские права, инициативы верующих натолкнулись на реальность антирелигиозной политики государства. В полной мере это проявилось на региональном уровне коммуникации религиозных общин и власти.

В июле 1936 г. верующие ряда татарских деревень Старокулаткинского района, Мосеевки, Кармалы, Старого Атлаша и Старого Зеленого возбудили ходатайства о возвращении мечетей в пользу религиозных общин. 9 января 1937 г. на имя члена ВКП (б) т. Хабибулина поступила служебная записка начальника районного отдела Старокулаткинского УНКВД И. Базеева. В ней были раскрыты обстоятельства подачи ходатайств. В духе того времени действия верующих, уполномоченных от религиозных общин, были оценены как антисоветские и контрреволюционные¹. Такая же оценка была дана и

¹ ГАНИ УО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 152. Л. 12-14.



существованию самого ходатайства верующих д. Мосеевка: “Содержание заявления явно контрреволюционное, где всячески ложными показаниями компрометируют местные власти, чтобы перед ВЦИК добиться возвращения мечетей, переданных общим собранием для общественных нужд: клуб, школы и т.д.”¹.

Совершенно иной была оценка верующими того, каким образом мечети были изъяты и какими должны были быть действия власти в условиях провозглашенных конституционных гарантий. Так, уполномоченный от верующих Шарибжан Кузьяев, придя в сельсовет 20 июля 1936 г., заявил: “Вот согласно новой конституции религия от государства отделена. Теперь разрешите нам занять мечеть для культовых нужд, ведь мечети вы взяли незаконно, там, в протоколах, подписались только комсомольцы”. На вопрос председателя сельсовета Шарибжан ответил, что пришел от имени уполномочивших его односельчан и хотел бы узнать, будет ли местная власть следовать нормам Конституции. Вместе с Сяфетом Караевым и Хусаином Алюковым Шарибжан Кузьяев обошел всю деревню и собрал более 200 подписей под ходатайство. При этом они убеждали односельчан: “Вы держитесь за религию, если веруете, то подпишитесь, чтобы нам мечеть возвратили обратно”².

В тот же пятничный день, 20 июля, в соседней д. Кармалы после молитвы на кладбище состоялось собрание верующих, на котором постановили подать ходатайство. Сначала верующие решили обратиться в сельсовет, а в случае отказа направить заявление во ВЦИК СССР. Уполномоченным по ходатайству был выбран Люкман Кузьяев. Так же, как и в д. Мосеевка, вместе с Хусаином Абдульменевым и Арифуллиным, он обошел односельчан и собрал более 400 подписей. После того как сельсовет отказал в ходатайстве, верующие направили его во ВЦИК СССР³.

Побудительным фактором в подаче ходатайств о возвращении мечетей стали ничем не подтвержденные факты или попросту слухи о благоприятном исходе подобных дел у татар-мусульман в соседних регионах. Согласно данным НКВД, в деревнях Старокулаткинского района появился некий “ходок” из с. Шемалак Павловского района, который заявлял, что в Павловском и

¹ ГАНИ УО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 152. Л. 13.

² ГАНИ УО. Л. 12.

³ Там же. Л. 13-14.



Кобзев А.В.

Институты мусульманской общины Симбирского – Ульяновского
Поволжья в 1920–1930 гг.

Неверкинском районах уже вернули верующим мечети, и этого же надо добиваться местным жителям. В селах Кармалы и Средняя Терешка аналогичные слухи распускали Алим Бадаев из Пензы и Каюм Хамзин из с. Средняя Терешка.¹ Процедура подачи ходатайства включала несколько этапов и выглядела следующим образом: 1) обсуждение вопроса среди верующих после молитвы и выборы уполномоченных от религиозной общины; 2) составление текста ходатайства; 3) подворный обход деревни и сбор подписей под заявлением; 4) обращение с ходатайством в сельсовет; 5) направление ходатайства в высший орган государственной власти, в данном случае во ВЦИК СССР.

В обеих деревнях, Мосеевка и Кармалы, сельсоветы отказали в удовлетворении ходатайства. По-видимому, такой же результат был и в других соседних деревнях района – Старом Атлаше и Старом Зеленом².

Религиозные школы

К началу Первой мировой войны в пяти татарских деревнях Симбирского уезда насчитывалось девять мектебе и одно медресе в Симбирске. В мусульманских общинах Карсунского уезда к этому времени было пять религиозных школ, в Сенгилеевском и Сызранском уездах – по девять школ³. Таким образом, ретроспективно в современных границах правобережной части Ульяновской области функционировало 33 религиозных школы. С учетом татарских деревень Кузнецкого и Хвалынского уездов Саратовской губернии (43 школы при 78 мечетях), Самарского и Ставропольского уездов Самарской губерний (19 школ при 55 мечетях)⁴ на территории в границах современной Ульяновской области ретроспективно было примерно 95 мусульманских школ.

¹ ГАНИ УО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 152. Л. 13-14.

² В служебной записке сотрудника НКВД т. Базеева об этом ничего не сказано.

³ Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск: 1913. С. 5, 7, 15, 19, 30, 136, 142, 204, 213.

⁴ Список населенных мест Самарской губернии. Самара: 1910. С. 45, 60, 63-64, 67, 74-76, 80, 83, 88; Список населенных мест Саратовской губернии. Хвалынский уезд / Оценочно-стат. отд. Саратов. губ. зем. управы. Саратов: 1914. С. 2, 8, 10, 12, 14, 20, 22, 24, 26, 30, 32; Список населенных мест Саратовской губернии. Кузнецкий уезд / Оценочно-стат. отд. Саратов. губ. зем. управы. Саратов: 1914. С. 8. Скорее всего, в Списках населенных мест сведения о количестве мусульманских школ по Самарской и Саратовской губерниям занижены. Например, в д. Старый Атлаш при семи мечетях не указано ни одной действующей школы, что вряд ли соответствует действительности. Хотя и не во всех, но обычно при мечетях были действующие мектебе.



После принятия 23 января 1918 г. Декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви” в СССР начался полномасштабный процесс последовательного вытеснения религии из школы и выстраивания светской системы образования. К 16 мая 1925 г. в Ульяновской губернии по данным отдела национальных меньшинств работало 30 татарских школ первой ступени, в которых обучалось 28% детей школьного возраста¹. К 1927 г. из 4034 детей не были охвачены советской школой 1382 чел., а их доля от общей численности детей школьного возраста составила 34,2%². В татарских деревнях Сызранского уезда – в Большом Саймане и Ахметлеях – 42% детей не посещало советскую школу³.

В отчете “О состоянии работы среди татар по Ульяновской губернии за 1926–1927 гг.” отмечалось, что в основном дети, не посещавшие советскую школу, ходили изучать основы мусульманского вероучения к мулле⁴. Причем такое обучение могло идти как на легальной основе, так и нелегально. Например, по данным Сызранского уездного комитета, на 7 мая 1927 г. в д. Большой Сайман неофициально работало три религиозных школы. В них обучалось около 100 детей, и в одной из школ занятия проходили в три смены⁵. В соседней д. Ахметлеи была организована нелегальная школа вероучения, и преподаванием занимались мулла Багданов Каляй, жена торговца Мурада Шилова и дочь мoulлы Байбеллова Акима [5, с. 37]. Еще одна подпольная школа была организована в д. Старое Тимошкино Сенгилеевского уезда⁶. Необходимо отметить, что в данном случае речь идет о подпольных религиозных школах, выявленных властями. Сколько их было в действительности, сказать сложно, но очевидно, что несколько больше, чем сообщается о случаях деятельности таких школ в советских делопроизводственных документах.

В 1920-х гг. татары-мусульмане предпринимали легальные попытки открытия религиозных школ. Такая возможность появилась после частичных и временных уступок государства. В 1923–1925 гг. были изданы при-

¹ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 962. Л. 14 об.

² Там же. Д. 1368. Л. 87.

³ Там же. Л. 148, 218.

⁴ Там же. Л. 148.

⁵ Там же. Л. 218.

⁶ Там же. Л. 92.



Кобзев А.В.

Институты мусульманской общины Симбирского – Ульяновского
Поволжья в 1920–1930 гг.

казы НКВД и выпущена инструкция ВЦИК об упорядочивании вопросов, связанных с преподаванием мусульманского вероучения среди “восточных народностей”. Преподавание вероучения запрещалось в советских и прочих школах, но разрешалось в свободное время от школьных занятий [4, с. 83]. В середине 1920х гг. верующие д. Новые Тимерсяны составили ходатайство об открытии религиозной школы. Однако по причине жестких законодательных условий и отсутствия финансовых средств на ее содержание жители деревни вынуждены были отказаться от этой идеи¹. Безусловно, сказывалась и общегосударственная политика, нацеленная на полную ликвидацию религиозного образования. В условиях нагнетаемого государством классового противостояния в обществе верующим приходилось идти на самые разные хитрости по ходатайствам об открытии религиозных школ. Так, в отчетном докладе татарской секции губкома ВКП (б) за 23 октября 1927 г. говорилось, что жители татарских сел Карсунского уезда включили в списки подписантов ходатайства бедняков, комсомольцев, несовершеннолетних детей, а уполномоченными по ходатайствам нередко выступали сами бедняки. Все это расценивалось властями как контрреволюционное влияние кулаков и зажиточных крестьян на “темных и малосознательных крестьян”².

Сведения об отсутствии официально действующих мусульманских школах в Ульяновской губернии встречаются с середины 1920-х гг. Например, в отчете татарской секции Губкома ВКП (б) о состоянии работы среди татар с 15 октября 1925 г. по 15 мая 1926 г. сообщалось, что в губернии нет мусульманских школ³. Об этом же говорилось и в протоколе заседания коллегии агитационно-пропагандистского отдела Ульяновского губкома ВКП (б) за 16 марта 1928 года⁴. Согласно докладной записки т. Валитова за 1929 год “О результатах поездки в Чердаклинский район по изучению религиозного состояния татарского населения и постановке антирелигиозной и политико-просветительской работы”, не было ни легальных, ни нелегальных мусульманских школ. В деревнях Татарское Урайкино, Енганаево, Уразгильдино и

¹ Там же. Д. 1162. Л. 105.

² ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1368. Л. 92.

³ ГАНИ УО. Д. 1162. Л. 105.

⁴ Там же. Д. 1459. Л. 156.



Татарский Калмаюр левобережной части региона религиозные школы официально существовали до 1928–1929 гг., а затем были закрыты¹.

По всей видимости, деинституционализация религиозно-образовательной сферы мусульманских общин в Симбирском – Ульяновском Поволжье завершилась на рубеже 1929–1930-х гг. К этому времени в регионе прекратили свое существование как легально открытые, так и нелегально действовавшие мусульманские религиозные школы.

Мусульманские служители культа

В дореволюционной мусульманской общине в среднем при одной соборной мечети штат служителей культа включал имама и муэдзина. В современных границах Ульяновской области, ретроспективно, к 1917 г. было 175 мечетей, поэтому условно общую численность мусульманских служителей культа в пределах региона можно определить в 350 человек. Понятно, что в действительности их было несколько больше, так как в отдельных махалля служили два имама и муэдзин².

Механизм ликвидации института профессиональных служителей культа в 1920–1930е гг. в СССР включал разные формы социально-правовой дискриминации представителей духовенства, вплоть до физического уничтожения. После принятия первых антирелигиозных декретов советской власти служители культа постепенно были вытеснены из сферы семейно-брачных отношений, из образования, управленческих структур в религиозных приходах. В официальных документах того времени они относились к категории нетрудового населения, а это имело ряд дискриминационных последствий – повышенные нормы налогов, оплаты за обучение детей, за жилье [2, с. 97]. Как социальная группа мусульманское духовенство было приравнено к эксплуататорскому классу и лишено общегражданских избирательных прав и в этом качестве относилось к особой категории населения, сконструированной советским государством, – “лишенцам”. При этом поражение в гражданских правах касалось не только их самих, но и членов их семей. Во время коллективизации рели-

¹ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 663. Л. 26.

² ГАУО. Ф. 88. Оп. 5. Д. 314; Оп. 1. Д. 934, 1752; Ф. 76. Оп. 7. Д. 909. См.: ведомости о мечетях и духовных лицах по Симбирской губернии.



гиозный статус и принадлежность к “лишенцам” нередко были достаточными основаниями для раскулачивания [2, с. 99, 111–112; 7, с. 353]. По существу, служители культа, впрочем, как и иные социальные группы советского общества, не вписывавшиеся в новый социальный порядок, превращались в маргиналов и массово вытеснялись на периферию социальной жизни. Они рассматривались как носители враждебной для коммунизма идеологии, жившие, согласно советским идеологическим клише, на “нетрудовые доходы”. По своему социальному статусу представители духовенства сближались государством с асоциальными группами риска, получившими в советской политической лексике 1920–1930х гг. такие наименования как “паразит” и “тунеядец” [8, с. 103–104].

Книга памяти Ульяновской области содержит персональные данные на 56 мусульманских служителей культа¹, подвергнутых репрессиям советской власти по 58 статье УК РСФСР. Их доля от общей численности мусульманского духовенства (350 ч.) составляет 16%, то есть каждый шестой оказался репрессированным. Анализ базы данных “Книги памяти” показывает, что 71,93% репрессированных служителей культа были в возрасте 40–69 лет, 12,28% — 20–39 лет и 15,79% — 70–89 лет. Соответственно, основной удар пришелся на служителей культа среднего и старшего возрастов².

Из 56 человек 36 (60%) были репрессированы, как и во всем Советском Союзе, в ходе двух репрессивных волн [2, с. 65; 3, с. 174-177] — в 1930 (16 ч.) и 1937 годах (20 ч.). Шестеро человек (10%) репрессированы в 1928–1929 гг., 17 (28,33%) — в 1931–1935 гг., и один — в 1939 году. В 1928–1939 гг. было вынесено 60 обвинительных приговоров. Причем из 56 человек четверо были дважды подвергнуты наказаниям. Таким образом, из 60 приговоров 31 — лишение свободы на разные сроки от 4 до 10 лет, десять служителей культа были приговорены к расстрелу, семеро раскулачены и высланы на спецпоселение, шестеро высланы за пределы региона, еще шестеро в разное время содержались под стражей. Во время репрессивных волн, прокатившихся по

¹ В 1920–1930-х гг. большинство учителей имели духовное происхождение, а в прошлом нередко были муллами. Поэтому в число репрессированных служителей культа были также включены шестеро учителей татарских сельских и начальных школ.

² Подсчитано автором по: [9, с. 33, 164, 175, 184, 228, 267, 269, 291, 364-365, 381, 387, 392, 396, 399, 413, 418, 432, 436-437, 443-444, 450, 470, 524, 526-528, 530-531, 533, 547, 553-554, 635, 662, 686; 10, с. 208, 244-245, 308-309, 313, 318, 322, 335].



стране, в 1930 г. в основном лишали свободы (10 приговоров из 31 за весь период), а в 1937 г. наряду с лишением свободы (9 приговоров из 31 за весь период) еще и расстреливали. Так, из десяти расстрельных приговоров девять были вынесены и исполнены в 1937 г. и один – в 1931 г.¹

По делопроизводственным документам 1920–1930-х гг. и регистрационным делам мечетей Ульяновской области 1940–1960-х гг. были выявлены сведения еще о 65 мусульманских служителях культа, подвергнутых самым разным формам социально-правовой дискриминации. Так, в течение 1927–1930 гг. были раскулачены и выселены за пределы региона восемь имамов и один муэдзин из деревень Верхняя Терешка, Новая Лебежайка, Старый Атлаш, Новые Тимерсяны и Старая Кулатка². В восьми татарских деревнях в 1929–1931 гг. было 56 представителей мусульманского духовенства, лишенных избирательных прав. Их доля от общей численности лишенцев колебалась от 15 до 34,6%. Например, в д. Новые Тимерсяны в 1930 г. из 60 лишенцев 12 (20%) были представителями духовенства; в д. Енганаево на 1929 г. – 9 человек из 60 (15%); в Новой Кулатке, Старой Лебежайке, Новых Зимницах и Старом Атлаше в 1931 г. – 27 (36,4%) из 78 человек³.

В 1930 г. в ходе протестных антиколхозных волнений, охвативших татарские деревни Ульяновского округа Тюгальбугу, Енганаево, Старый Сантими́р, Елховый Куст, Старое и Новое Фейзуллово, под судом и следствием оказались как минимум восемь служителей культа⁴. В том же году в д. Дракино Карсунского района была ликвидирована так называемая в советских документах “кулацкая группа” (12 человек) во главе с муллой, при этом двое из ее участников были расстреляны⁵. Во время крестьянских волнений 1930 г. нередкими были призывы, например, в Тюгальбуге – “долой колхоз, коммунистов выгнать из колхоза, чтобы не мешали работать, вернуть мечети и мулл, кулаков не выселять”⁶. В д. Новое Фейзуллово во время организации

¹ Подсчитано автором по: [9, с. 33, 164, 175, 184, 228, 267, 269, 291, 364-365, 381, 387, 392, 396, 399, 413, 418, 432, 436-437, 443-444, 450, 470, 524, 526-528, 530-531, 533, 547, 553-554, 635, 662, 686; 10, с. 208, 244-245, 308-309, 313, 318, 322, 335].

² ГАНИ УО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 55. Л. 51, 57; Д. 63. Л. 78, 79; ф. 10. Оп. 1. Д. 156. Л. 7-10 об., 151.

³ Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 194. Л. 34 об.; Д. 55. Л. 51; Д. 63. Л. 77 об. – 79; ф. 10. Оп. 1. Д. 156. Л. 7-10 об., 226-236; ф. 3. Оп. 1. Д. 339. Л. 106 об.; ф. 13. Оп. 1. Д. 1062. Л. 58.

⁴ ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 582; Д. 777. Д. 779; Д. 785; Д. 338.

⁵ ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 582; Д. 808. Л. 27.

⁶ ГАНИ УО. Д. 582. Л. 18.



Кобзев А.В.

Институты мусульманской общины Симбирского – Ульяновского Поволжья в 1920–1930 гг.

колхоза задавалось много вопросов о религии, жители спрашивали — “не закроют ли при колхозе мечеть”¹. Во время сельских собраний, организованных в 1930 г. в 15 селениях Ульяновского округа по проработке постановления ЦК ВКП (б) от 2 апреля 1930 г., представителям власти задавались одни и те же вопросы: “О возвращении кулаков, о неправильном лишении мулл и азанчей, о введении божьего закона в школах”².

Начиная с конца 1920-х гг. многие имамы и муэдзины, оказавшиеся под жестким прессингом антирелигиозной политики государства, вынуждены были сложить с себя религиозные обязанности и полностью сменить сферу своей профессиональной деятельности. Фатых Мардугалимов из с. Елховый Куст, вновь избранный муллой после войны, написал об этом в автобиографии: “В 1928 г. бросил работать муллой по приказанию государства”³. В течение 1928–1929 гг. сложили с себя полномочия семеро имамов д. Новые Тимерсяны, в 1930 г. — четверо мулл из д. Елховый Куст⁴. Одни это сделали по причине повышенного налогообложения наряду с кулаками. Другие по причине отказа в приеме и/или исключении их детей из советских учебных заведений. В частности, сын одного из имамов д. Татарское Урайкино был исключен из Мелекесского строительного техникума⁵. Как было отмечено в материалах обследования “О состоянии религиозного и безбожного дела по Богдашинскому району”, подготовленных членом окружного совета СВБ в июле 1929 г., на местах следовало организовать работу “по недопущению возврата к сану мулл, снявших с себя сан”⁶.

Тем не менее, вряд ли можно говорить о полном затухании религиозной жизни в татарских деревнях Симбирского – Ульяновского Поволжья в 1930-х гг. и ликвидации религии как социального института. В докладной записке заведующего отделом пропаганды и агитации Мелекесского райкома партии за 19 апреля 1941 г. говорилось, что в деревнях Аллагулово и Филлиповка в мечетях открыто работают муллы⁷. Уже после завершения Великой Отече-

¹ Там же. Д. 777. Л. 81-82.

² Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 55. Л. 40-40об.

³ ГАУО. Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 17. Л. 13–14.

⁴ ГАНИ УО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 156. Л. 7-10 об.; Ф. 3. Оп. 1. Д. 663. Л. 40 об.; Д. 779. Л. 16об.

⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 663. Л. 27, 40 об.

⁶ Там же. Л. 41-41 об.

⁷ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 590. Л. 3.



ственной войны в условиях частичной либерализации государственно-конфессиональных отношений некоторые бывшие имамы Ульяновской области смогли вернуться к религиозной деятельности¹.

Заключение

Ретроспективно к 1917 г. на территории Ульяновской области в ее современных границах было 175 мечетей, 95 школ и 350 служителей культа. Деинституциализация мусульманской общины носила асинхронный характер. Раньше всего завершилась деинституциализация религиозно-образовательной сферы. Это произошло примерно на рубеже 1929–1930х гг. В регионе к этому времени не осталось ни официально открытых, ни подпольно действующих религиозных школ. Соответственно обучение основам вероучения переместилось в семью. До конца 1920-х гг. в отдельных татарских деревнях региона еще предпринимались попытки строительства новых мечетей. Массовое закрытие мечетей в основном приходится на 1930-е гг., и можно выделить две фазы в этом процессе: 1929–1934 гг. и 1935–1939 гг. При этом особенно много мечетей было закрыто в 1935 году. В итоге к концу 1930х гг. как минимум было закрыто больше половины всех мечетей. Социально-правовая дискриминация, по самым скромным оценкам, затронула каждого третьего представителя мусульманского приходского духовенства – 121 из 350 человек. Многие имамы вынуждены были полностью сменить свою профессиональную деятельность, и в послевоенное время лишь единицы вернулись к исполнению религиозных обязанностей муллы.

Список сокращений

АПО Губкома РКП (б) – Агитационно-пропагандистский отдел Губернского комитета Российской коммунистической партии (большевиков)

ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВЦИК – Всесоюзный центральный исполнительный комитет

¹ ГАУО. Ф. р.-3705. Оп. 4. Д. 13. Л. л. 33-34 об., 38; Д. 18. Л. 15; Д. 13. Л. 16, 24; Д. 16. Л. 8-8 об.; Д. 17. Л. 13-15; оп. 1. Д. 23. Л. 19, 23а; Д. 28. Л. 1-17; Д. 22. Л. 10; Д. 19. Л. 11-11 об.; Д. 4. Л. 35-35 об.; Д. 8. Л. 25-25 об.; Д. 15. Л. 9; Д. 16. Л. 9; Д. 24. Л. 17. Из 13 бывших имамов, четверо были ранее осуждены по 58, 60, 61 и 169 статьям УК РСФСР.



Кобзев А.В.
Институты мусульманской общины Симбирского – Ульяновского
Поволжья в 1920–1930 гг.

ГАНИ УО – Государственный архив новейшей истории Ульяновской области

ГАУО – Государственный архив Ульяновской области

Губком – Губернский комитет

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

ТАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика

Уком – Уездный комитет

Архивные источники

Архив ГАНИ УО Ф. 1. Оп. 1. Д. 102; Ф. 1. Оп. 1. Д. 680; Ф. 1. Оп. 1. Д. 687; Ф. 1. Оп. 1. Д. 704; Ф. 1. Оп. 1. Д. 801; Ф. 1. Оп. 1. Д. 906; Ф. 1. Оп. 1. Д. 945; Ф. 1. Оп. 1. Д. 962; Ф. 1. Оп. 1. Д. 963; Ф. 1. Оп. 1. Д. 968; Ф. 1. Оп. 1. Д. 1162; Ф. 1. Оп. 1. Д. 1368; Ф. 1. Оп. 1. Д. 1459; Ф. 10. Оп. 1. Д. 156; Ф. 13. Оп. 1. Д. 1062; Ф. 3. Оп. 1. Д. 1359; Ф. 3. Оп. 1. Д. 277; Ф. 3. Оп. 1. Д. 338; Ф. 3. Оп. 1. Д. 339; Ф. 3. Оп. 1. Д. 358; Ф. 3. Оп. 1. Д. 421; Ф. 3. Оп. 1. Д. 582; Ф. 3. Оп. 1. Д. 659; Ф. 3. Оп. 1. Д. 663; Ф. 3. Оп. 1. Д. 680; Ф. 3. Оп. 1. Д. 777; Ф. 3. Оп. 1. Д. 778; Ф. 3. Оп. 1. Д. 779; Ф. 3. Оп. 1. Д. 785; Ф. 3. Оп. 1. Д. 787; Ф. 3. Оп. 1. Д. 801; Ф. 3. Оп. 1. Д. 808; Ф. 3. Оп. 1. Д. 906;

Ф. 3. Оп. 1. Д. 907; Ф. 3. Оп. 1. Д. 910; Ф. 3. Оп. 1. Д. 945; Ф. 3. Оп. 1. Д. 964; Ф. 3. Оп. 1. Д. 968; Ф. 31. Оп. 1. Д. 590; Ф. 37. Оп. 1. Д. 22; Ф. 37. Оп. 1. Д. 53; Ф. 37. Оп. 1. Д. 55; Ф. 37. Оп. 1. Д. 59; Ф. 37. Оп. 1. Д. 63; Ф. 37. Оп. 1. Д. 93; Ф. 37. Оп. 1. Д. 104; Ф. 37. Оп. 1. Д. 152; Ф. 37. Оп. 1. Д. 194.

Архив ГАУО Ф. 76. Оп. 7. Д. 909; Ф. 88. Оп. 1. Д. 934; Ф. 88. Оп. 1. Д. 1752; Ф. 88. Оп. 4. Д. 209; Ф. 88. Оп. 5. Д. 314; Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 4; Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 8; Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 12; Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 14; Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 15; Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 16; Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 17; Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 19; Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 22; Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 23; Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 23; Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 24; Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 26; Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 28; Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 33; Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 166; Ф. р-3705. Оп. 1. Д. 177; Ф. р-3705. Оп. 4. Д. 13; Ф. р-3705. Оп. 4. Д. 16; Ф. р-3705. Оп. 4. Д. 17; Ф. р-3705. Оп. 4. Д. 18; Ф. р-3705. Оп. 4. Д. 19.



Литература

1. Эфиров А.Ф. *Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири*. Исторические очерки. М.: Учпедгиз; 1948. 277 с.
2. Мухаметзянов А.А., Миннуллин И.Р. *Трансформация институтов мусульманской общины Татарстана (1920-1930-е гг.)*. Нижний Новгород: Медина; 2008. 148 с.
3. Гусева Ю.Н. *История татарских сельских общин Нижегородской области в XX веке (1901-1985 гг.)*. Нижний Новгород: ФГАОУ ВПО «ННГУ им. Н.И. Лобачевского»; 2003. 275 с.
4. Гусева Ю.Н. *Ислам в Самарской области*. М.: Логос; 2007. 112 с.
5. Арапов Д.Ю., Косач Г.Г. *Ислам и советское государство*. Вып. 1: (по материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.) В: Вступ. ст. и коммент. Д.Ю. Арапов и Г.Г. Косача. М.: ИД Марждани; 2010. 152 с.
6. Набиев Р.А. *Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманкой религии на Европейском Востоке*. Казань: Изд-во Казанского университета; 2002. 244 с.
7. *Ислам в Среднем Поволжье. История и современность*. Очерки. Казань: Мастер Лайн; 2001. 453 с.
8. Зубкова Е.Ю. *На "краю" советского общества. Маргинальные группы населения и государственная политика. 1940-1960-е гг.* Российская история. 2009;(5):101–118.
9. *Книга памяти жертв политической репрессий. Ульяновская область* / Под ред. Ю.М. Золотова. Ульяновск: Дом печати; 1996. Т. 1. 1023 с.
10. *Книга памяти жертв политической репрессий. Ульяновская область* / Под ред. Ю.М. Золотова. Ульяновск: Ульяновский дом печати; 2001. Т. 2 911 с.



References

1. Efirov A.F. *Nerusskie shkoly Povolzh'ya, Priural'ya i Sibiri*. Istoricheskie ocherki [Non-Russian schools of the Volga region, the Urals and Siberia. Historical essay]. Moscow: Uchpedgiz, 1948. 277 p. (In Russian)
2. Mukhametzyanov A.A., Minnullin I.R. *Transformatsiya institutov musul'manskoy obshchiny Tatarstana (1920–1930-e gg.)* [Transformation of the institutions of the Muslim community of Tatarstan (in 1920-1930)]. Nizhniy Novgorod: Medina, 2008. 148 p. (In Russian)
3. Guseva Yu.N. *Istoriya tatarskikh sel'skikh obshchin Nizhegorodskoy oblasti v XX veke (1901–1985 gg.)* [History of Tatar rural communities of the Nizhny Novgorod region in the XX century (1901-1985)]. Nizhniy Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod press; 2003. 275 p. (In Russian)
4. Guseva Yu.N. *Islam v Samarskoy oblasti* [Islam in the Samara region]. Moscow: Logos, 2007. 112 p. (In Russian)
5. Arapov D.Yu., Kosach G.G. *Islam i sovetskoe gosudarstvo*. Vyp. 1: (po materialam Vostochnogo otd. OGPU. 1926 g.) V: Vstup. st. i komment. D.Yu. Arapov i G.G. Kosacha [Islam and the Soviet state. Vol. 1: (based on the materials of the Oriental Studies Department of Orenburg State Pedagogical University, 1926) Introductory remarks and commentaries by D. Y. Arapov and G. G. Kosach]. Moscow: Marzhdani press, 2010. 152 p. (In Russian)
6. Nabiev R.A. *Islam i gosudarstvo: kul'turno-istoricheskaya evolyutsiya musul'manskoy religii na Evropeyskom Vostoke* [Islam and the state: cultural and historical evolution of the Muslim religion in the European East]. Kazan: Kazan State University press, 2002. 244 p. (In Russian)
7. *Islam v Srednem Povolzh'e. Istoriya i sovremennost'*. Ocherki [Islam in the Middle Volga region. History and the present time. Essays]. Kazan: Master Layn press, 2001. 453 p. (In Russian)
8. Zubkova E.Yu. *Na "krayu" sovetskogo obshchestva. Marginalnye gruppy naseleniya i gosudarstvennaya politika. 1940–1960-e gg.* [On the "edge" of Soviet society. Marginal groups and state policy in 1940-1960]. Rossiyskaya istoriya, 2009. P. 101–118. (In Russian)



9. *Kniga pamyati zhertv politicheskoy repressiy*. Ulyanovskaya oblast. Pod red. Yu.M. Zolotova [Book of memory of political repression victims. Ulyanovsk oblast. Edited by M. Y. Zolotov]. Ulyanovsk: Dom pechati, 1996. Vol. 1. 1023 p. (In Russian)

10. *Kniga pamyati zhertv politicheskoy repressiy*. Ulyanovskaya oblast. Pod red. Yu.M. Zolotova [Book of memory of political repression victims. Ulyanovsk oblast. Edited by M. Y. Zolotov]. Ulyanovsk: Ulyanovskiy dom pechati press, 2001. Vol. 2. 911 p. (In Russian)

Информация об авторе

Кобзев Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент, специалист Центра развития истории и культуры региона АНО «Центра стратегических исследований Ульяновской области», г. Ульяновск, Российская Федерация.

About the author

Alexandr V. Kobzev, Ph. D (Hist.), Associate Professor, Specialist of the Center for the Development of History and Culture of the Region, ANO "Center for Strategic Studies of the Ulyanovsk Region", Ulyanovsk, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 03 октября 2019
Одобрена рецензентами: 01 ноября 2019
Принята к публикации: 13 ноября 2019

Article info

Received: October 03, 2019
Reviewed: November 01, 2019
Accepted: November 13, 2019